

9/5847)
А-116

ЗАВОЕВАНІЕ

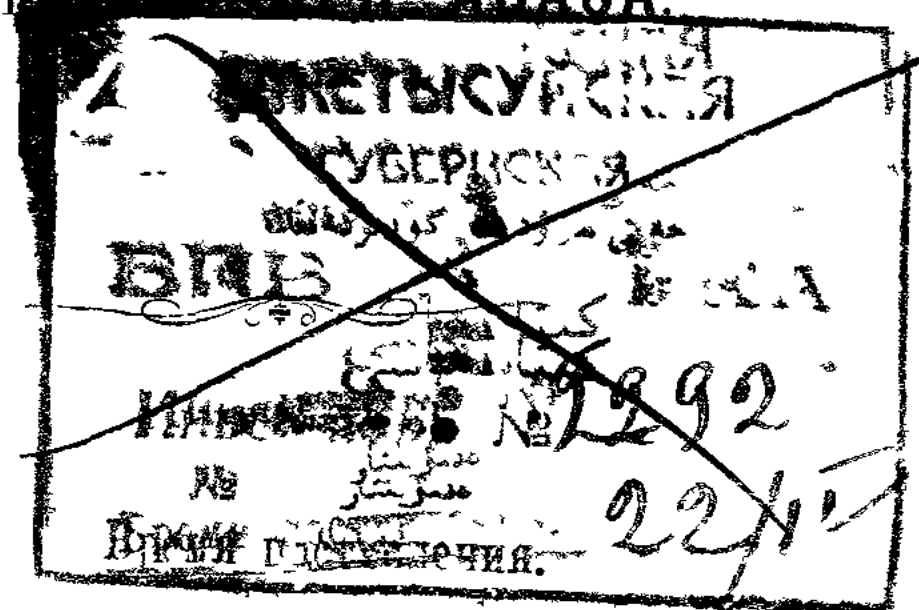
Архивтік қор.
Архивный фонд

ТУРКЕСТАНА

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ, ОЧЕРКИ ПРИРОДЫ, БЫТА
И ПРАВОВЪ ТУЗЕМЦЕВЪ—ВЪ ОБЩЕДОСТУПНОМЪ
ИЗЛОЖЕНІИ.

Съ рисунками, картами и планомъ текинской крѣпости
Деонгиль-тепе.

Составилъ И. В. АБАЗА.

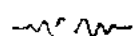

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., *28.

1902.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые очерки печатались въ ж. «Родникъ» за 1888—1900 гг. Издавая ихъ отдѣльной книгой, составитель рассчитывалъ, что они найдутъ читателей, интересующихся этой отдаленной окраиной, особенностями быта народовъ тамъ обитающихъ, наконецъ, — выдающимися трудами и подвигами русскихъ войскъ. Такое предположеніе имѣло за собой то вѣроятіе, что, при наличности весьма цѣнныхъ вкладовъ въ военно-историческую литературу, еще отсутствуетъ общедоступное изложеніе поступательнаго движенія русскихъ въ Средней Азійи съ первыхъ шаговъ до окончательнаго замиренія края. И если бы составителю удалось пополнить этотъ пробѣлъ, онъ считалъ бы себя вполне удовлетвореннымъ.

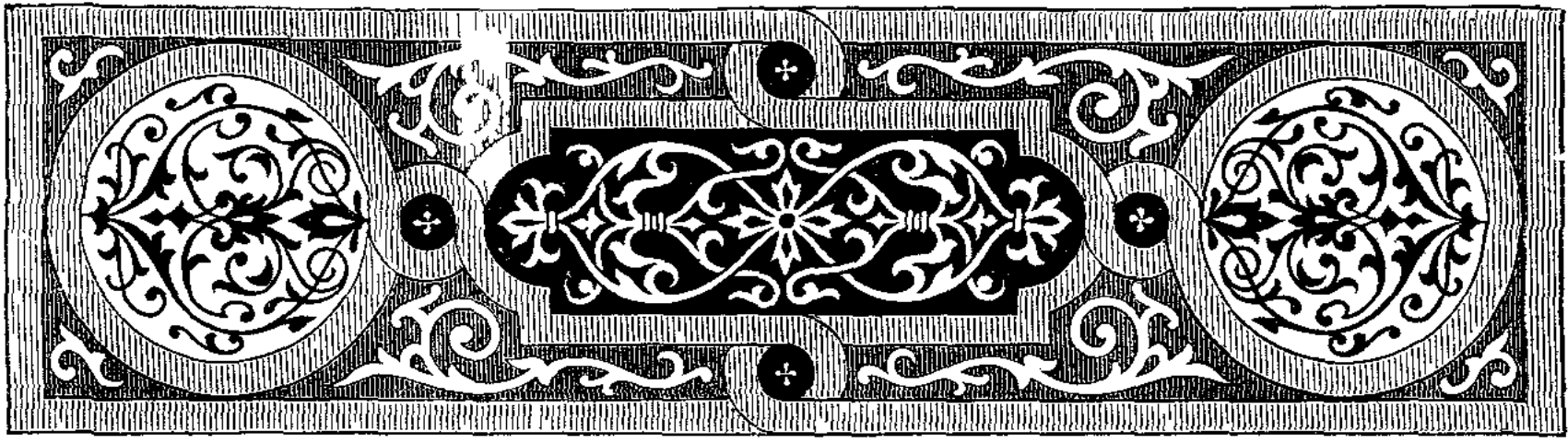
Всѣ статьи являются здѣсь просмотрѣнными и значительно дополненными; повторенія, неизбѣжныя при разбросанности въ книжкахъ журнала, опущены; послѣдняя же статья составлена заново, такъ какъ, вышедшая (въ ж. «Читальня») отдѣльнымъ изданіемъ/ брошюрка подъ тѣмъ же названіемъ предназначалась исключительно для начальныхъ школъ. Какъ и въ предыдущихъ трудахъ составитель держался той же системы въ обработкѣ матеріала, не позволяя себѣ вымысла или искаженія фактовъ, излагая событія по возможности просто и ясно, по-

тому что имѣлось въ виду дать книгѣ широкій доступъ— въ семью, школу и въ войсковыя части. Если въ этомъ отношеніи не вездѣ соблюдена должная равномерность, то это обстоятельство находится въ прямой зависимости отъ обилія или скудости пособій по ходу той или другой изъ экспедицій.

Пособіями въ данномъ случаѣ служили статьи, помѣщенные въ журналахъ—«Военный Сборникъ» за 1863—1899 гг., «Вѣстникъ Европы» (Середы, Лобысевича, Терентьева, Росселя и др.), «Русскій Архивъ» (Захарьина), «Русскій Вѣстникъ» (Львова, Зиновьева, корреспонденціи Макъ-Гахана), «Историческій Вѣстникъ» (Полторацкаго, Кодинца), «Русская Старина» за 1873 г., № 2, «Всемирный Путешественникъ» 1873 г. («Хива и Туркменія»); книги Гродекова: «Хивинскій походъ 1873 года», его же «Ахалъ-текинскій походъ», его же «Киргизы и Кара-киргизы»; Макшеева: «Историческій обзоръ Туркестана и наступательное движеніе русскихъ»; Маслова: «Завоеваніе Ахалъ-теке»; «Военный Обзоръ» т. III; «Описаніе военныхъ дѣйствій въ Заилійскомъ краѣ и журналъ осады коканской крѣпости Пишпекъ»; Иванина: «Описаніе зимняго похода въ Хиву», его же «Хива и Аму-Дарья»; Никольскаго: «Лѣтнія поѣздки по Туркестану»; С. Гедина: «Въ сердцѣ Азіи»; Галкина: «Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи»; Остроумова: «Сарты»; Реклю: «Земля и люди»; Котельникова: «Ферганская область»; Латкина: «Закаспійская область»; Вамбери: «Очерки Средней Азіи».

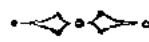
Рисунки заимствованы изъ коллекцій покойнаго Г. А. Колпаковскаго и бывшаго туркестанскаго епископа Неофита; изъ книгъ—генерала Гродекова, Иванина; изъ журналовъ — «Всемирная Иллюстрація» и «Развѣдчикъ».

К. Абаза.

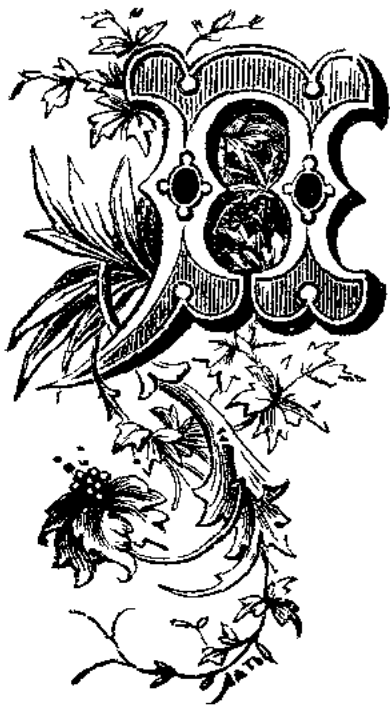

ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ ВЪ ХИВУ.

1. Походъ князя Бековича-Черкаскаго.

1.

Петръ Великій воевалъ со шведами на одной окраинѣ своего государства и въ то же время помышлялъ о другой, прилегающей къ морю Каспійскому. Тамъ нужно было сбить шведа, чтобы открыть морской путь въ Голландію, Англию и другія страны Запада; здѣсь онъ искалъ выгодныхъ путей въ страны восточныя. На этой окраинѣ, по мысли великаго царя, народы Европы съ одной стороны и народы Азіи съ другой — могли обмѣнивать свои товары, что шло бы на прибыль и русскимъ. Ближайшіе наши сосѣди со стороны Каспія, хивинцы и бухарцы, съ давнихъ временъ вели торговлю съ Казанью и Астраханью, гдѣ многіе изъ купцовъ имѣли свои дворы; ихъ караваны ежегодно ходили въ Азію и обратно; оттуда часто являлись послами гонцы хивинскіе или бухарскіе. Но Петръ Великій понималъ, что весь барышъ шелъ въ руки азійцевъ. Голландцы, англичане не ждали къ себѣ купцовъ,

а сами развозили свои товары по бѣлому свѣту, оттого и богатѣли: почему же не могли разбогатѣть и наши?—Такъ думалъ царь и разсылалъ своихъ гонцовъ въ Китай, Персію, Индію. Эта послѣдняя привлекала еще больше, чѣмъ бѣдная Хива или Бухара. Не было завоевателя, не было купца, который бы не помышлялъ попасть въ Индію, страну диковинъ, въ надеждѣ поживиться ея богатствами. Думалъ объ этомъ и нашъ государь. Онъ ждалъ только случая; такой случай скоро представился.

Одинъ знатный туркменъ, по имени Ходжа Нефесъ, объявилъ астраханскому воеводѣ, что имѣетъ открыть государю дѣло великой важности. Отправленный въ Петербургъ, Ходжа Нефесъ сказывалъ, что въ странѣ, лежащей по рѣкѣ Аму, добывается песочное золото и что въ рѣку Аму можно попасть прямо изъ Каспія, если перекопать плотину, которую нарочно сдѣлали хивинцы, чтобы отвести рѣку въ Аральское море. Выслушавши эти рѣчи, царь припомнилъ, что лѣтъ 13 тому назадъ у него былъ хивинскій посолъ, который отъ имени своего хана просилъ принять Хиву въ подданство. Государь хотя и согласился тогда, но, въ заботахъ о шведской войнѣ, позабылъ объ этомъ. Теперь Хива представилась ему, какъ выгодная станція на длинномъ торговомъ пути между Индіей и нашей окраиной. Желая провѣдать этотъ путь и въ то же время провѣрить слова Ходжи Нефеса, а также уговорить хана на вѣчное подданство, царь приказалъ снарядить въ Хиву посольство подъ прикрытіемъ войска и съ участіемъ торговыхъ людей. Начальникомъ, и въ то же время главнымъ посломъ, царь выбралъ близкаго къ себѣ человѣка, родомъ изъ Кабарды, князя Бековича-Черкаскаго.—Ранней весной 1717 года въ астраханскихъ степяхъ началось движеніе: воеводы ближнихъ и дальнихъ городовъ высылали муку, крупу, сазановъ или осетровъ коренныхъ, вино, уксусъ, лѣкарства, пушки, порохъ, снаряды; изъ Оренбурга шли яицкіе казаки, съ Кавказа — гребенскіе; изъ Кабарды поднялись родные братья Бековича «мурзы черкасскіе» съ большой свитой; изъ Ногайской земли

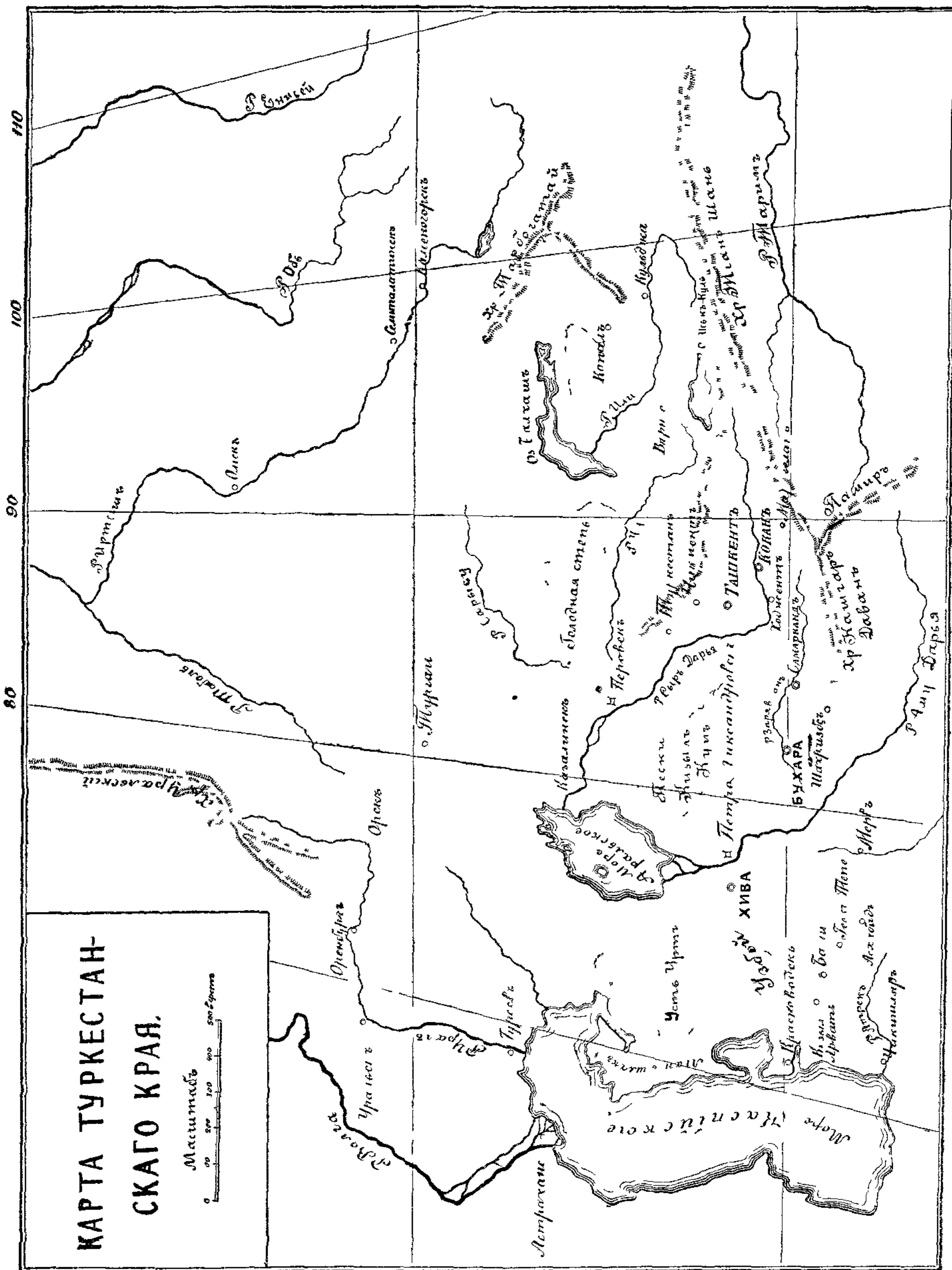
шли потомки ордынцевъ. Все это направлялось въ Астрахань, гдѣ купцы уже вьючили свои товары, откуда выѣзжали въ разныя стороны гонцы и куда возвращались съ отвѣтомъ. Между прочимъ, посланные въ Хиву Иванъ Воронинъ и Алексѣй, по прозванію «Святой», доносили, что хотя отъ нихъ подарки и приняты, однако ихъ самихъ держать подъ стражей, на скудныхъ кормахъ и донимають разспросами: «зачѣмъ это русскіе люди строятъ на ихъ землѣ крѣпости?» или: «зачѣмъ князь Бековичъ собираетъ конницу?» — Кромѣ того стало извѣстно, что ханъ разослалъ во всѣ попутныя кочевья приказъ, чтобы не только ни въ чемъ не помогали русскимъ, а напротивъ того, собирались бы съ силами и истребляли ихъ всѣми способами. Бековичъ не обратилъ вниманія на эти угрозы. На седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи онъ поднялъ свой отрядъ, собранный подъ Гурьевымъ городкомъ, въ степной походъ на Хиву. Не считая купцовъ, вожаковъ и прислуги, въ отдѣлѣ находилось три тысячи войска, въ томъ числѣ двѣ тысячи казаковъ, 400 человекъ пѣхоты, посаженной на лошадей да 600 драгунъ.

Степные походы всегда считались и считаются теперь самыми трудными, какъ по недостатку воды, кормовъ, такъ и потому, что приходится идти безъ дорогъ, куда ведетъ вожакъ; снаряжаясь въ степной походъ, надо запасаться всѣмъ, начиная съ хлѣба и кончая дровами.

Обремененный множествомъ верблюдовъ и повозокъ, военный отрядъ скорѣе похожъ на большой караванъ, который, подъ прикрытіемъ солдатъ, ползетъ медленно, съ опаской. Невидимый противникъ слѣдитъ за нимъ съ боку или насѣдаетъ сзади, и хотя бы пришлось съ нимъ встрѣтиться, онъ при первой неудачѣ готовъ исчезнуть, — лови его потомъ въ степи! Ночью непріятель можетъ подползти къ становищу, надѣлать кутерьмы или еще того хуже — отогнать верблюдовъ, лошадей: что тогда дѣлать? Степной походъ одинаково труденъ и лѣтомъ, и зимой. Въ закаспійской степи нѣтъ ни высокихъ горъ, ни лѣсовъ,

отчего зимой случаются такіе сильныя бураны, которые срывають кибитки, разгоняють табуны, поднимають тучи снѣга, мигомъ заносятъ живые слѣды. Бывали примѣры, что погибали цѣлыя аулы. Суровую зиму смѣняетъ знойное лѣто; жары доходятъ до 45 градусовъ, что бываетъ лишь въ Сиріи, Африкѣ да сосѣднихъ съ ними странахъ. Въ сѣверной части степи еще растетъ ковыль, но, чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ корма скуднѣе; голая накаленная земля кишитъ ящерицами, змѣями, скорпіонами и прочими гадами; чуть что — они исчезаютъ, заползая въ трещины.

Киргизы, главные обитатели закаспійской степи, ранней весной перекочевываютъ на сѣверъ, къ зимѣ же удаляются на югъ, гдѣ нѣтъ такихъ страшныхъ бурановъ. Смышленные азіятскіе купцы, соображаясь съ этимъ, отправляли на сѣверъ свои товары съ весны, а возвращали ихъ къ зимѣ; имъ легче было нанимать верблюдовъ, потому что киргизы шли въ ту же сторону. Отъ Оренбурга до Хивы считается полторы тысячи верстъ, и малые караваны проходили иногда это разстояніе въ 30 дней. Сколько извѣстно о походѣ князя Бековича, онъ также шелъ быстро. Такъ, на восьмой день онъ былъ уже на рѣкѣ Эмбѣ, т.-е. сдѣлалъ болѣе 300 верстъ. Видимо, онъ хотѣлъ нагрянуть на Хиву внезапно, а можетъ быть, хотѣлъ проскочить степью, пока еще не наступила знойная пора. За Эмбой отрядъ углубился въ безводную пустыню, придерживаясь караваннаго пути, отъ колодца къ колодцу. По недостатку послѣднихъ, почти на каждой стоянкѣ измученные люди брались за лопаты и копали колодцы; малѣйшее промедленіе могло сгубить весь отрядъ. Были мѣста, гдѣ приходилось копать по 20, по 30 и даже 35 колодцевъ, каждый глубиной до 3-хъ сажень. Почти на половинѣ пути бывшій *караванъ-баша*, или проводникъ отряда, по имени Кашка, да еще десять калмыковъ тайно покинули лагерь и скрылись; нѣкоторые изъ нихъ вернулись въ свои кочевья, а другіе, какъ увидимъ, пробрались въ Хиву. Ходжа Нефесъ, бывшій при отрядѣ, повелъ его дальше. За

масло; джугара въ хорошій годъ родить самъ-триста. Зерна джугары замѣняютъ овесъ, а стебли — сѣно. Климатъ въ Хивѣ вообще здоровый; кромѣ горячекъ и лихорадокъ, да и то отъ неумѣреннаго употребленія фруктовъ, другихъ болѣзней не знаютъ. Народъ тамъ рослый, видный и сильный; многие старики доживаютъ до ста лѣтъ и болѣе. Зима въ Хивѣ короткая; снѣгъ, если и выпадаетъ, лежитъ дня 3 — 4, но Аму замерзаетъ почти ежегодно, иногда аршина на полтора.

Въ каждомъ мѣстечкѣ бываютъ базары, на которыхъ можно купить все, начиная съ верблюда и кончая серпомъ. Подъ широкими навѣсами сидятъ невозмутимо, поджавъ подъ себя ноги, купцы съ товаромъ, провожая глазами пеструю снующую толпу. Тутъ, въ темномъ проходѣ между двумя рядами торгашей, покупаютъ и продаютъ, пьютъ и ѣдятъ, кричатъ и преважно бесѣдуютъ, протискиваются конные и пѣшіе, — сутолока базарная, чисто восточная. Базаръ для восточнаго человѣка любимое развлеченіе: онъ тутъ узнаетъ всѣ новости, распоряженія властей, цѣны на хлѣбъ; одна и та же вѣсть съ быстротой хорошей почты пролетаетъ страну, благодаря базарамъ. А хивинцы, какъ и всѣ азіятцы, очень любопытны. Изъ русскихъ товаровъ въ Хиву требуется: желѣзо и чугуны — для выдѣлки оружія, серповъ, сошниковъ, заступовъ; потомъ — квасцы и купоросъ для окраски матерій; наконецъ — посуда, сахаръ, кожи, ситцы, сундуки, самовары, замки. Къ намъ же привозятъ: пшеницу, марену, бумажныя матеріи, превосходныя дыни, яблочки. Въ Хивѣ всякій воленъ торговать, лишь бы исправно выплачивать подати и выставлять работниковъ на очистку канавъ. У нихъ только «ходжи», какъ потомки Магомета, не платятъ податей и свободны отъ повинностей; живутъ они особнякомъ, передавая свои права по наслѣдству.

Хивинцы благороднаго происхожденія носятъ названіе *узбековъ*: это потомки завоевателей, которые захватили себѣ лучшія земли и наживныя мѣста; остальное населеніе ханства называется *сартами*: это земледѣльцы, торгаша. Въ ту пору былъ

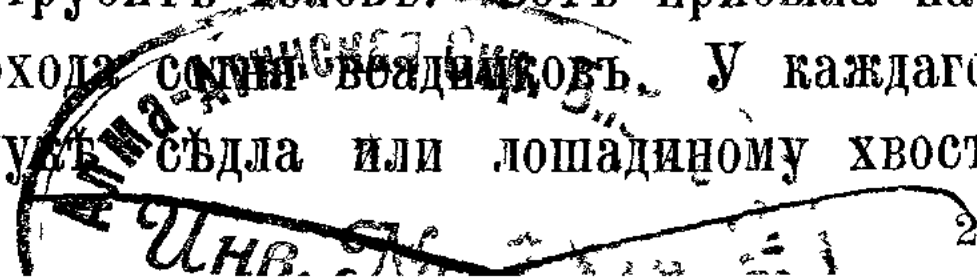
еще многочисленный классъ рабовъ или невольниковъ. Какъ узбеки, такъ и сарты одинаково трудолюбивы, выносливы, но въ то же время лукавы, корыстолюбивы и жестоки; подозрѣвая европейцевъ въ шпіонствѣ, они скрытны и никогда не скажутъ правды. Узбека можно отличить какъ по его смуглой фізіономіи съ острыми скулами и черной бородой, такъ равно и по одеждѣ. Узбеки носятъ коническія мѣховыя шапки, неуклюжіе изъ юфти сапоги; лѣтомъ—длинную рубаху. Женщины носятъ на головѣ тюрбаны изъ 15 или 20 бумажныхъ платковъ; закутанныя въ толстую одежду, въ тяжелыхъ сапогахъ, онѣ исполняютъ всѣ домашнія работы; въ самый томительный зной должны таскать воду въ огромныхъ кувшинахъ. Женщина — тотъ же волъ, на которомъ работаютъ безъ отдыха; въ полевыхъ работахъ она должна помогать мужу, ходить за собаномъ—въ родѣ нашей сохи—или стоять на бревнѣ, которымъ боронятъ землю. Мало-мальски зажиточный узбекъ ничего не дѣлаетъ, разъѣзжаетъ по базарамъ и вообще рѣдко сидитъ дома; узбеки большіе охотники до музыки, и во всемъ Туркестанѣ нѣтъ такихъ музыкантовъ на дутарѣ (гитара въ 2 струны) и кобосѣ (лютня), какъ въ Хивинскомъ оазисѣ.

До прихода русскихъ Хива считалась самымъ выгоднымъ рынкомъ для сбыта плѣнниковъ. Туркмены, киргизы, калмыки— всѣ кочевники промышляли этимъ выгоднымъ ремесломъ. Какъ то еще до Царя Петра Великаго калмыки выжгли на правомъ берегу Волги болѣе 100 селъ; все населеніе было тогда продано въ рабство. Одинъ итальянецъ, побывавшій въ Хивѣ и Бухарѣ, говорилъ нашему Царю, что въ тѣхъ мѣстахъ болѣе 5 т. русскихъ томятся въ неволѣ. Когда калмыки смирились, ихъ дѣло продолжали Туркмены, и, можно сказать, до послѣдняго времени. Не задолго до похода Перовскаго, о чемъ будетъ рассказано ниже, въ одной Хивѣ насчитывали около 3 т. русскихъ плѣнниковъ. Разбойники, захвативъ рабочихъ гдѣ-нибудь въ степи или на морскомъ промыслѣ, связывали по нѣскольку человекъ и, сами будучи конные, подгоняли несчастныхъ плетями или острымъ

копьемъ, спѣша поскорѣе укрыться. Многіе падали отъ изнуренія; такихъ бросали умирать въ мукахъ голода и жажды. Русскіе плѣнники цѣнились въ Хивѣ дороже, чѣмъ, на примѣръ, персіяне и нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось занять почетное положеніе въ ханствѣ, но большею частью ихъ назначали смотрителями надъ работами. Всѣ же остальные — это были люди простые, робкіе — попадали въ рабство. Хозяева заставляли ихъ работать съ утра и до поздней ночи; за малѣйшую провинность били плетми; если хозяинъ замѣчалъ охоту сбѣжать, то подрѣзывалъ у плѣнника икры, потомъ присыпалъ раны конскимъ рубленнымъ волосомъ. Въ жизни и смерти плѣнника хозяинъ былъ воленъ. Одинъ русскій плѣнникъ такъ рассказывалъ свое горемычное житіе: «Каждому невольнику отпускается по пуду пшеницы, пополамъ съ землей, и больше ничего; самъ смели, да еще фунтовъ пять отдай за помоль. Много ли тебѣ останется? Ни дровъ, ни щепы, ни досуга не даютъ. Дрова своручешь у сосѣдей да и печешь лепешки по ночамъ. Не украдешь — съ голоду помрешь, надѣтъ тебѣ нечего. Разъ вышла старая ханша въ садъ, я и говорю ей: «Вамъ де, сударыня, кажись, на насъ бы и глядѣть стыдно, ходимъ мы почитай нагишомъ; что же ханъ не одѣнетъ насъ?» — А она мнѣ на это: «Чего стыдно? На тебя глядѣть, что на собаку, все одно: не одѣвшись она ходитъ». — Таково-то жилось ханскимъ невольникамъ; остальнымъ и того хуже. Хивинскій народъ нисколько не воинственный, хотя, подобно всѣмъ азіятцамъ, имѣетъ склонность къ грабежу, къ межкому хищничеству. Въ случаѣ войны ханъ приказываетъ объявить по базарамъ, чтобы въ назначенный срокъ и въ такомъ-то мѣстѣ собирались всѣ записанные въ войско, на добрыхъ коняхъ, съ оружіемъ, съ запасами. Тогда начинаются сборы, обыкновенно довольно продолжительные, такъ что ханъ, или же его братъ, выступивъ въ степь съ ближайшимъ отрядомъ, со свитой, гдѣ-нибудь поджидаетъ дней 15, пока соберутся остальные. Въ походное время войска не получаютъ продовольствія; чаще всего случается, что 2 или 3 война поку-

паютъ верблюда, на котораго вьючатъ припасы мѣсяца на полтора или на сколько тамъ придется; бѣдняки возили свое скудное продовольствіе на той же лошади, на которой ѣхали сами. Истребивши эти запасы, они жили воровствомъ: рѣзали по дорогѣ чужихъ лошадей и скотъ. Лучшіе стрѣлки, какъ въ походѣ, такъ и въ сраженіи, окружаютъ хана; когда-то ихъ считалось около тысячи. Вообще хивинцы плохо стрѣляютъ, да и ружья у нихъ были въ ту пору такія тяжелыя, что надо было класть ихъ на подставку и воспламенять не куркомъ, а при помощи фитиля. При войскѣ обыкновенно слѣдовало около десятка орудій, которыя не заслуживали названія артиллеріи. Для cadaго пригоняли особые снаряды, при чемъ ихъ закидывали, обернувъ сначала войлокомъ или тряпками. Такіе снаряды не попадали въ цѣль даже на разстояніи ста сажень, да это и не требовалось: хивинцы рассчитывали только *напугать* непріятеля громкой пальбой. Артиллерійскую прислугу составляли преимущественно русскіе плѣнники, а одно время начальникомъ всей артиллеріи былъ русскій крестьянинъ, захваченный на рыбныхъ ловляхъ въ Каспійскомъ морѣ. Его звали Лаврентьевымъ. Хивинцы потому довѣряли русскимъ, что они никогда не покидали своихъ пушекъ, какъ это часто случалось съ храбрыми узбеками. Несмотря на то, что къ хивинскому войску присоединялись подвластные хану кочевники — туркмены, киргизы, каракалпаки—это войско не могло удержать наступленія русскихъ, даже во время похода, а выдержать битву—и того менѣе, хотя хивинскіе ханы могли двинуть въ поле отъ 20 до 25 т. всадниковъ, вооруженныхъ саблями и копьями. Хивинцы бросались въ битву запальчиво, но если встрѣчали отпоръ, то обращались въ бѣгство и уже неспособны были повторить атаку. На всѣ большіе набѣги высылались обыкновенно туркмены и киргизы. Храбрецы, или «батыри», получали отъ хана награды, смотря по тому, сколько онъ отрубилъ головъ. Вотъ прибыла на площадь изъ дальняго похода сотня владимирцевъ. У cadaго изъ нихъ привязаны къ луцѣ сѣдла или лошадиному хвосту по

207686-38

нѣскольку плѣнниковъ; черезъ сѣдло перекинуть мѣшокъ съ отрубленными головами. Прежде всего всадникъ сбываетъ плѣнныхъ, потомъ развязываетъ мѣшокъ и высыпаетъ головы къ ногамъ пріемщика, точно это арбузы или картофель. Особые рабоче сносятъ головы въ одну кучу, а храбрымъ воинамъ выдаются квитанціи, по которымъ они и получаютъ награды.

Хивинскіе ханы управляли страной, какъ имъ вздумается, не соблюдая никакихъ законовъ и даже нарушая обычаи. Были между ними и такіе, которые не могли насытиться человѣческой кровью; другіе отличались жадностью къ наживѣ и совсѣмъ мало такихъ, которые бы заботились о нуждахъ своего народа. Вотъ почему Хива была и остается страной самой невѣжественной, чего нельзя сказать, на примѣръ, про Бухару. Въ Хивѣ нѣтъ и помина о любви народной къ своему хану; повинуются ему только страха ради, и ханъ не въ безопасности отъ своихъ подданныхъ, хотя бы то были самые близкіе ему люди, на примѣръ жены, его министры или родственники; особенно онъ долженъ остерегаться духовенства, которое зорко слѣдитъ за исполненіемъ обрядовъ своей вѣры.

Чтобы попасть въ жилище хана, окруженное двойнымъ рядомъ стѣнъ, надо было пройти два двора: первый дворъ бывалъ обыкновенно наполненъ сарбазами, т.-е. пѣхотными солдатами, одѣтыми въ красныя бумажныя куртки; второй дворъ просторнѣе перваго. На одномъ его концѣ постройка въ родѣ сарая, гдѣ засѣдаютъ ханскіе совѣтники, лѣвѣе — караулка, въ которой ожидаютъ приказаній палачи и полицейскіе, а между обѣими постройками — ханскій дворецъ, такая же мазанка какъ и всѣ жилища узбековъ, и такъ же раздѣляется на двѣ половины — гаремъ и «селямликъ» (пріемная). Внутри дворца разсланы ковры, стоятъ диваны со множествомъ подушекъ, но больше всего сундуковъ съ разнымъ добромъ. Мѣстопробываніе повелителя Хивы можно узнать только потому, что въ пріемной толкуются съ ранняго утра придворные, состоящіе въ разныхъ должностяхъ. Главный смотритель за рабами и ханскимъ столомъ

называется достарханджи, (что значитъ въ переводѣ — разсти- лающій скатерть), потомъ — мехремъ, въ родѣ лакея, но на самомъ дѣлѣ самый близкій къ хану человекъ, даже подаетъ ему совѣты по важнымъ дѣламъ; еще нѣсколько человекъ, изъ которыхъ одинъ готовитъ кушанье, другой подаетъ его къ столу, третій приготовляетъ чай, шербетъ (шербетши) и разныя лѣкарства. Какъ только ханъ проснулся, являются къ нему въ спальню особые прислужники: стоя на колѣняхъ, одинъ держитъ лоханку, а въ это время «кумганджи» льетъ воду изъ серебрянаго кувшина; въ то же время полотенщикъ держитъ кончиками пальцевъ полотенце, которое онъ ловко набрасываетъ своему повелителю на руки; когда тѣ двое исчезнутъ, особый цирюль- никъ брѣветъ голову, при чемъ долженъ умѣть искусно обжи- мать черепъ, что особенно любятъ жители Азии. Когда ханъ сильно утомленъ дѣлами, призывается костоправъ, на обязанности котораго потоптать колѣнями спину и вообще размять всѣ члены хозяина. При наступленіи ночи постельничій долженъ послать войлоки или матрацы для ночлега. Великолѣпная верховая сбруя и оружіе находятся подъ надзоромъ казнаджи; при торжествен- ныхъ выѣздахъ онъ всегда сопровождаетъ хана, и во главѣ его свиты идетъ скороходъ съ султаномъ изъ перьевъ.

Кушанье, одежда ханская мало чѣмъ отличаются отъ пищи и одежды зажиточныхъ узбековъ. Ханъ носитъ такую же ба- ранью шапку, сапожищи, такой же ситцевый или шелковый халатъ, подбитый толстымъ слоемъ ваты и пригодный развѣ только для холодныхъ странъ Сибири.

Какъ и всякій правовѣрный, ханъ, вставши съ постели до восхода солнца, долженъ молиться вмѣстѣ со всѣми, что про- должается около получаса. Къ утреннему чаю приглашаются ученые муллы, которые даютъ свои толкованія на разные тексты священнаго закона. Если подъ мудреные толки случится хану всхрапнуть, то муллы удаляются: это называется утреннимъ отдыхомъ. По пробужденіи начинается селямъ (пріемъ) мини- стровъ и разныхъ чиновниковъ: рѣшаются государственные во-

просы, напрымѣръ: какъ поступить съ сосѣдомъ, не сдѣлать ли на русскую границу набѣгъ и т. п.; сюда же призываются беки, сборщики податей для представленія отчетовъ. За малѣйшую ошибку въ отчетѣ можно поплатиться головой. Затѣмъ, хану подается завтракъ; присутствующіе должны почтительно стоять, а по окончаніи завтрака любимцы получаютъ отъ хана приглашеніе сыграть съ нимъ въ шахматы. Такъ время проходитъ до полуденной молитвы. Послѣ этого намаза ханъ выходитъ на передній дворъ, садится на возвышеніе и начинается публичный судъ: всякій воленъ принести жалобу, хотя бы изъ-за краденой бурицы. Народъ толпится у воротъ—шумъ, гамъ, но пропускаютъ поодиночкѣ. Бывали случаи, что жалобщикъ переспоритъ и самого хана, но за то ханъ однимъ кивкомъ головы можетъ приговорить другого къ смертной казни. Палачи тутъ же приводятъ приговоръ въ исполненіе. Покончивши съ судомъ, ханъ ѣдетъ прокатиться, но къ солнечному закату ему надо быть дома, чтобы принять участіе въ общей молитвѣ. Остальное время до ночлега ханъ проводитъ съ самыми ему близкими. Подается роскошный ужинъ, появляются пѣвцы, музыканты; только настоящей веселости тамъ нѣтъ. Узбекъ слишкомъ важенъ, чтобы веселиться, а тѣмъ пуще хохотать; всякія забавы, по его мнѣнію, могутъ тѣшить только женщинъ или ребятъ.

Жена хана не имѣетъ никакихъ титуловъ; все ея отличіе заключается въ томъ, что ей прислуживаютъ дочери чиновниковъ; невольницы для нея набирались изъ плѣнныхъ персіянокъ или покупались въ Аравіи. Свободой ханша пользуется меньше чѣмъ жены другихъ владѣтелей Востока. Обычай требуетъ, чтобы ковры, одѣяла, подушки, халаты и вообще всѣ домашнія вещи хана были приготовлены руками жены. Если ханша захочетъ проѣздиться въ одинъ изъ лѣтнихъ дворцовъ, то она выѣзжаетъ не верхомъ, какъ это принято въ Персіи, а въ размалеванномъ рыдванѣ, обвѣшанномъ коврами. Впереди и сзади рыдвана ѣдутъ нѣсколько всадниковъ съ бѣлыми палками. При проѣздѣ ея всѣ

поднимаются съ мѣстъ и отвѣшиваютъ низкіе поклоны, хотя лица своей повелительницы не могутъ видѣть изъ-за ковровъ. Лѣто ханское семейство проводитъ не въ столицѣ, а въ лѣтнихъ дворцахъ, выстроенныхъ среди садовъ, съ бассейномъ воды, украшенныхъ небольшими кусочками зеркалъ, что у хивинцевъ считалось большою роскошью.—Таковы властители Хивы.

Сама она была страшна не войсками, а своей отдаленностью отъ нашихъ окраинъ и тѣмъ положеніемъ, какое занимаетъ, окруженная пустынями. Въ обитаемыхъ же частяхъ этихъ пустынь кочевали народы, платившіе дань хивинскому хану. слѣдовательно ему подвластные.

Царь Петръ намѣтилъ въ глубь средней Азіи два пути: одинъ на Хиву, по которому шелъ Бекевичъ, со стороны Каспія. Этотъ путь, какъ увидимъ, былъ извѣданъ еще разъ. Другой путь—со стороны Сибири. Одновременно съ Бекевичемъ отсюда былъ также направленъ русскій отрядъ подъ начальствомъ капитана Бухгольца, который на окраинѣ киргизскихъ степей заложилъ два укрѣпленія: Ямышевское и Омское, нынѣ городъ Омскъ. Въ слѣдующемъ году была заложена также на Иртышѣ Семипалатинская крѣпость, а въ годъ смерти царя (1725) — Усть-Каменогорская крѣпость, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Иртышъ выходитъ изъ Алтайскихъ горъ. Линія иртышскихъ укрѣпленій ограждала край отъ набѣговъ кочевниковъ; вслѣдъ за войскомъ и казаками шли земледѣльцы и селились навсегда подъ охраной крѣпостей. Наступая съ двухъ сторонъ, подчиняя по пути кочевниковъ, русскіе люди углублялись все дальше и дальше; лѣтъ черезъ полтора они уже прямо столкнулись съ Хивой, завладѣвъ ближайшими къ ней путями. Только тогда наступилъ ей конецъ.

Лишь немногіе люди способны глядѣть въ даль вѣковъ, какъ бы указывая путь грядущимъ поколѣніямъ. Вотъ вочему исторія признаетъ такихъ людей великими, государственными людьми, причисляя къ нимъ по всей справедливости и нашего царя — Великаго Петра.

2. Зимній походъ графа Перовскаго, въ 1839—1840 гг.

Первый русскій отрядъ, отправленный въ Хиву подъ начальствомъ Бековича, былъ истребленъ, и это осталось безъ наказанія; хивинцы стали съ тѣхъ поръ надменны и дерзки, не смотря даже на то, что наши государи какъ бы желали забыть ихъ вѣроломство. Хива превратилась въ разбойничій притонъ, жившій грабежомъ торговыхъ каравановъ и ловлей людей въ неволю. Когда киргизы, каракалпаки и ближайшіе туркмены присягнули Бѣлому Царю на подданство, хивинцы то силой, то хитростью вымогали у нихъ подати, подучали ихъ нападать на наши крѣпости, отгонять казачьи табуны или на взморьѣ жечь наши суда. Русскимъ караванамъ, куда бы они ни шли, было приказано слѣдовать на Хиву, гдѣ ихъ обирали, какъ хотѣли; тѣ же караваны, которые надѣялись миновать Хиву, подвергались разграбленію, при чемъ часть добычи всегда поступала въ ханскую казну. А нужно сказать, что въ это же самое время хивинскіе купцы невозбранно торговали въ Россіи; ихъ караваны ежегодно приходили и уходили съ Оренбургской Линіи. Съ нашими чиновниками и послами въ Хивѣ обходились въ противность всѣмъ правиламъ, издавна признаннымъ между народами. Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины по просьбѣ самого хана былъ посланъ въ Хиву ученый докторъ Бланкеннагель. Помочь больной глазами ханшѣ ему не удалось: оказалось поздно, и докторъ хотѣлъ-было возвратиться, но его сначала задержали, а потомъ тайкомъ приговорили къ смерти, чтобы онъ не рассказалъ чего лишняго про Хиву. Узнавъ о злодѣйскомъ умыслѣ отъ нашихъ плѣнныхъ, докторъ тайно бѣжалъ къ туркменамъ, которые его благополучно доставили на Мангишлакъ. Другой разъ былъ отправленъ въ Хиву съ письмомъ отъ нашего министра Нессельроде одинъ мусульманинъ по имени Мендіязъ Бенчуринъ, старикъ 70 лѣтъ. Министръ требовалъ вознаградить нашихъ купцовъ за ограб-

ленные товары. Несмотря на сѣдины единовѣрца, его продержали 4 мѣсяца подъ стражей въ «унизительномъ мѣстѣ», послѣ чего, не выслушавъ даже, зачѣмъ онъ прибылъ, отправили обратно въ Россію, безъ всякаго отвѣта.—Въ 1833 г. Оренбургскимъ губернаторомъ и Командующимъ войсками былъ назначенъ генералъ Перовскій. 18-ти лѣтъ онъ уже участвовалъ въ Бородинской битвѣ; при выступленіи французовъ изъ Москвы попалъ къ нимъ въ плѣнъ, пѣшкомъ, при обозѣ маршала Даву, прошелъ весь путь отъ Москвы и пробылъ во Франціи, пока не вступили туда русскія войска; въ турецкую войну 1828 г. Перовскій былъ раненъ подъ Варной пулей въ грудь. Молодой, красивый, любимый солдатами, Перовскій умѣлъ покорять сердца людей его окружавшихъ; кромѣ того, былъ любимцемъ царской семьи. Его приводило въ негодованіе, что кочующіе за Ураломъ киргизы, наши подданные, забираютъ при малѣйшей оплошности въ плѣнъ русскихъ людей и тотчасъ продаютъ ихъ въ Хиву, въ вѣчную неволю. Промыселъ этотъ они производили совершенно безнаказанно, потому что всегда успѣвали скрываться въ глубь необозримыхъ стеней. Старожилы рассказывали Перовскому, что когда Императоръ Александръ I посѣтилъ Оренбургъ—что было въ послѣдній годъ его царствованія—пріѣхала поглядѣть на Государя вдова-офицерша съ двумя дѣтьми. Помѣщенія въ городѣ не нашлось, и она заночевала въ тарантасѣ на берегу Урала, гдѣ нынче архіерейскій садъ. Ночью бивакъ вдовы окружила конная шайка киргизовъ; офицершу схватили въ одной сорочкѣ, связали, перекинули черезъ сѣдло и бросились вплавъ черезъ рѣку. Ни дѣтей, ни прислуги киргизы не тронули. Пока оторопѣлые люди подняли тревогу, пока дали знать властямъ, а власти вырядили казаковъ, совсѣмъ разсвѣло: хищниковъ и слѣдъ простылъ; они скрылись по направленію къ Хивѣ. Въ этотъ же день прибылъ въ Оренбургъ Государь, и когда ему рассказали о печальномъ событіи, онъ приказалъ пріютить дѣтей, а вдову выкупить на свой счетъ. Его преемникъ покойный Николай Павловичъ уже прямо

разрѣшилъ ежегодно отпускать 3 т. рублей на выкупъ плѣнныхъ. Только эта мѣра нисколько не помогла, потому что въ Хивѣ отрубали бы голову тому хозяину, который согласится продать невольника. Спаслись же бѣгствомъ, какъ мы видѣли, рѣдко кому удавалось изъ этихъ страдальцевъ. Тогда Перовскій при-совѣтовалъ задержать всѣхъ хивинскихъ купцовъ до тѣхъ поръ, пока хивинцы не выдадутъ плѣнныхъ.

По Высочайшему повелѣнію лѣтомъ 1836 года было задержано въ Астрахани и Оренбургѣ болѣе 500 хивинскихъ купцовъ да товаровъ при нихъ милліона на полтора. Хивинцы взмолились, и ханъ Аллакулъ выслалъ на первый разъ 25 плѣнныхъ: всѣ они оказались люди старые, прожившіе въ плѣну по 30—40 лѣтъ, а одинъ старикъ выжилъ 55 лѣтъ. За нихъ вернули пять торговцевъ,—только. Въ слѣдующемъ году хивинцы прислали еще 5, потомъ сразу 80; они прослышали о постройкѣ въ степи новыхъ укрѣпленій и приготовленіяхъ къ походу. Дѣйствительно, въ это время уже состоялось Высочайшее распоряженіе «о воинскомъ поискѣ въ Хиву, дабы принудить хана силою оружія выдать всѣхъ русскихъ и доставить нашей карованной торговлѣ полную свободу». Послѣ уже дознались, отчего ханъ такъ упорствовалъ: англичане обнадежили его помощью на тотъ случай, если Россія объявитъ войну.

Почти два года прошли въ приготовленіяхъ къ новому походу. За это время были выстроены въ степи два укрѣпленія: одно на рѣкѣ Эмбѣ, за 500 верстъ отъ Оренбурга, другое, подъ названіемъ Акъ-Булакъ (Пять Ключей), за 175 верстъ дальше; ихъ снабдили продовольствіемъ и фуражомъ. Такіе же запасы были доставлены въ приморское укрѣпленіе Александровское,— все это назначалось для отряда по пути его слѣдованія въ Хиву. Однако предстоящій путь былъ мало извѣстенъ. Почти передъ самымъ походомъ инженеръ, который строилъ укрѣпленія, вернувшись, донесъ, что мѣстность отъ Эмбы до Акъ-Булакъ низменная, солончаковая, почва самая бѣдная и безводная. Какъ послѣ оказалось, и мѣста для укрѣпленія тоже

были выбраны неудачно: возлѣ Эмбинскаго поста подножные корма были плохи, а въ укрѣпленіи Акъ-Булакъ вода для питья негодная. Дальнѣйшій путь до Аму знали только по рассказамъ плѣнныхъ: тамъ предстояло подняться на Усть-Уртъ. Это плоская возвышенность до 100 с. надъ уровнемъ моря, которая круто обрывается своими берегами, извѣстными подъ именемъ «чинка». Перовскій раньше такъ и намѣтилъ свой путь—

Пехота Оренбургскихъ Линейныхъ батальоновъ въ зимней походной одеждѣ

черезъ Усть-Уртъ къ берегу Аральскаго озера, оттуда чинкомъ Усть-Урта на хивинскій городъ Куня-Ургенчъ, всего 1320 верстъ. Перемѣнять намѣченный путь уже было поздно, укрѣпленія построены, сдѣлано распоряженіе о доставкѣ въ Акъ-Булакъ припасовъ. Перовскій рассчитывалъ тамъ выждать, пока Усть-Уртъ покроется снѣгомъ и будетъ сдѣлана развѣдка для подъема. Войскъ было собрано побольше, чѣмъ въ экспедицію Бековича,

а именно 3¹/₂ баталіона пѣхоты, 2 полка уральскихъ и 3 сотни оренбургскихъ казаковъ, всего около 5 тысячъ, кромѣ того 22 орудія. Солдаты выряжали по-зимнему; каждому дали киргизскій полушубокъ, куртку изъ молодыхъ овчинокъ, теплую шапку и широкіе длинные сапоги. Для подстилки, вмѣсто постелей, заготовили войлоки, а чтобы было гдѣ укрываться отъ стужи — джуламейки, или круглыя войлочные палатки. Такъ какъ отрядъ поднималъ съ собой, кромѣ всего этого, боевые припасы, сѣно, овесъ и шестимѣсячный запасъ продовольствія, то согнали со степи болѣе 12 тысячъ верблюдовъ. Вьючили по 14 пуд. на каждыя: 7 пуд. на одной сторонѣ, 7 на другой; два такихъ вьюка прикрѣпляли къ верблюжьему сѣдлу, послѣ чего ихъ покрывали войлокомъ. Въ тяжелыя орудія, въ арбы для больныхъ и въ бударки (крытыя повозки) также впрягали верблюдовъ. Такимъ образомъ выряжался огромнѣйшій караванъ, тяжелый на подъемъ, грузный на ходу: это-то его и сгубило.

14-го ноября 1839 года на городской площади Оренбурга собралось войско, выступавшее въ походъ. Послѣ молебствія былъ прочитанъ приказъ Перовскаго:

«Товарищи! Насъ ожидаютъ стужа и бураны и всѣ трудности дальняго степного и зимняго похода... Войска Оренбургскаго корпуса въ первый разъ выступаютъ въ значительномъ составѣ противъ непріятели; Россія въ первый разъ караетъ Хиву, эту дерзкую и въроломную сосѣдку. Черезъ два мѣсяца, дастъ Богъ, будемъ въ Хивѣ и въ первый разъ еще въ столицѣ Ханства передъ крестомъ и евангеліемъ русскіе будутъ приносить теплыя молитвы за Царя и Отечество!

«Честь и Слава всѣмъ, кому Богъ привелъ идти на выручку братьевъ, томящихся въ неволѣ!»

Въ тотъ же день началось выступленіе колоннъ, одна за другой; уральцы изъ Калмыковской крѣпости пошли прямо на Эмбу. Войска потянулись долиной Илека, при чемъ каждая изъ четырехъ колоннъ шла особнякомъ. Впереди ея авангардъ изъ сотни казаковъ, который уже отъ себя отдѣлялъ впередъ и въ

стороны по три казака; версты двѣ сзади — главная колонна, самая грузная часть. Впереди ея въ одну шеренгу (линію) ѣхали 30 казаковъ; каждый изъ нихъ велъ свою «нитку» верблюдовъ — такъ называется цѣлый рядъ верблюдовъ, привязанныхъ одинъ за другимъ и навьюченныхъ чѣмъ-нибудь однимъ: одна нитка — овсомъ, другая — сухарями и т. д. За передними нитками шагали верблюды 2-й линіи, за нею 3-й, а всего 90 нитокъ, или 3 тысячи верблюдовъ въ каждой колоннѣ. Посерединѣ верблюжьей колонны везли арбы и тяжелыя пушки, тутъ же шла пѣхота и ѣхали казаки, выдвинувшись уступомъ. За версту вправо и влѣво — опять небольшая кучка казаковъ со своими передними и боковыми разъѣздами (одиночки). Наконецъ версты двѣ сзади — полсотни казаковъ въ арьергардѣ; они должны были подбирать отсталыхъ и беречь тылъ колонны.

На первыхъ порахъ все шло хорошо: погода стояла осенняя съ легкимъ морозцемъ; но уже на четвертый день похода задулъ холодный вѣтеръ и морозъ усилился, а съ праздника Введенья начались бураны (степныя метели), которые стали постоянными спутниками отряда. Долиной р. Илека корма хотя и были прикрыты снѣгомъ, но неглубокимъ, такъ что, прикармливая сѣномъ, дѣлали отъ 15 до 30 верстъ въ день. По пути киргизскихъ кочевокъ попадались стоги сѣна, запасы дровъ, заготовленныхъ еще лѣтомъ; попадались плетеные заборы и крыши, какъ защита скоту: по крайней мѣрѣ можно было гдѣ укрыться, отогрѣться кашцей или напиться горячаго сбитня. За недѣлю до праздника св. Николая бураны забушевали во всю силу; степь завалило снѣгомъ на аршинъ глубины, морозы доходили до 40°, при рѣжущемъ вѣтрѣ. Люди, измученные непривычной ходьбой по глубокому снѣгу, да еще съ ружьями, ранцами, патронташами, скоро уставали и въ сильной испаринѣ садились на верблюдовъ, послѣ чего скоро остывали — одинъ отморозилъ себѣ руки, другой ноги. Начались заболѣванія; въ холодныхъ войлочныхъ кибиткахъ рѣзали отмороженные члены. Не лучше того было съ верблюдами. Пробивая ледяную кору, они рѣзали

себѣ ноги до колѣнъ и если падали, то не могли уже подняться. Бѣдныхъ животныхъ бросали, а вьюки растаскивали запасливые казаки; кули, веревки, каждую тряпку берегли на топливо. Наканунѣ Царскихъ именинъ войска дошли до урочища Бишъ-Тамакъ (пять устьевъ), за 250 верстъ отъ Оренбурга. Поставили походную церковь, чтобы на другой день отслужить обѣдню и молебенъ, но когда собралось начальство, пришелъ батюшка, то увидѣли, что долгой службы не выстоять: морозъ 32° и леденящій вѣтеръ. Отслужили только краткій молебенъ о здравіи Государя. Холодъ былъ такой, что у самыхъ крѣпкихъ людей хватывало духъ. За урочищемъ Бишъ-Тамакъ раскинулась широкая киргизская степь безъ всякихъ признаковъ человѣческаго жилья. Бустики тальника уже встрѣчались рѣдко, камышъ—и того рѣже; для топлива приходилось дергать корешки. Не успѣла первая колонна отойти верстъ 7 или 8, какъ рванулъ сѣверный вѣтеръ; сразу все завертѣлось, въ глазахъ затуманило: начался буранъ. Кто стоялъ противъ вѣтра, тотъ не могъ дышать, потому что сжимало горло; холодъ пробиралъ до костей; зубъ не попадалъ на зубъ. Лошади и верблюды сбивались въ кучи, всякій порядокъ исчезъ, движеніе стало невозможнымъ. Буранъ бушевалъ всю ночь и стихъ на другой день только послѣ полудня. Войска провели это время въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

Нужда въ топливѣ была такая, что Перовскій разрѣшилъ выдать лодки для варки пищи, а также дроги, на которыхъ ихъ возили; выдать всѣ факелы, канаты, запасные кули, веревки—все, что можетъ горѣть. Больше выдавать было нечего. Солдаты переносили все: они спали на мерзлой землѣ, прикрытой кошмами, защищенные отъ вѣтра джуламейкой, но разъ прекратился огонь и горячая пища, они упали духомъ; всѣ заговорили о неудачѣ. Полушубки изъ овечьей шерсти, наклеенной на холстъ, не защищали отъ вѣтра, а шинели и вовсе не влѣзали; сапоги плохо грѣли, потому что были узкіе, только шапки, подбитыя телячьимъ мѣхомъ, съ назатыльниками, обазались въ

пригодѣ. И выходило, что голова постоянно въ теплѣ, а все остальное въ холоду. Придутъ на ночлегъ, сейчасъ же ложатся въ снѣгъ. Которые посильнѣе, тѣ ставятъ джуламейки, другіе идутъ рыть корешки, для чего надо разгрести снѣгъ, потомъ рубить землю мотыгами, комья разбивать обухомъ топора, и наконецъ выбирать окоченѣлыми пальцами мелкіе корешки. Пока все это наладится, усталые лежатъ на снѣгу да простуживаются. Больныхъ собирали въ фургоны, а когда всѣ фургоны были переполнены, то стали класть больныхъ въ койки, подвѣшенныя на верблюдахъ. Тутъ ихъ докачивало до безчувствія. Многіе умирали просто отъ изнуренія. Покойниковъ хоронили тутъ же въ степи, въ неглубокихъ ямахъ вырытыхъ мотыгой. Однако ропота не было, не таковъ русскій солдатъ, хотя всѣ были увѣрены, что не увидятъ больше родимой стороны.

Казакъ были одѣты теплѣе и продовольствовались лучше. Они знали раньше степь, всѣ ея невзгоды, почему, какъ увидимъ дальше, съумѣли сберечь и себя, и своихъ лошадушекъ. Собственно для охраны Перовскаго былъ составленъ особый отрядъ, собранный изъ разныхъ полковъ русской кавалеріи подъ названіемъ своднаго дивизіона Уфимскаго полка. Онъ терпѣлъ больше чѣмъ пѣхота. Красивыя рослыя лошади едва переступали въ глубокомъ снѣгу, рѣзали себѣ ноги о ледяную кору, а главное не умѣли добывать подножнаго корма; овса же получали мало. Въ концѣ похода не осталось ни одной лошади. Последняя пала красавица «Пѣна», бѣлая лошадь штабъ-трубача, сильно имъ любимая. Это было уже недалеко отъ Эмбы. Лошадь шла по тропѣ, протоптанной верблюдами, на ней сидѣлъ молодчина-трубачъ, обремененный десятками двумя кавалеристовъ уцѣлѣвшихъ отъ всего дивизіона. Они также шли пѣшкомъ. Вдругъ «Пѣна» споткнулась, сильно вздрогнула и упала. Трубачъ быстро соскочилъ, солдаты захопотали около своей любимицы, отпустили подпруги—ничего не помогало: лошадь медленно и тяжело дышала, слегка вздрагивая. Трубачъ